

На правах рукописи

Щукин Тимур Аркадьевич

**МИХАИЛ ПСЕЛЛ И РЕЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ
ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ
(МАКСИМ ИСПОВЕДНИК, ИОАНН ДАМАСКИН,
АНАСТАСИЙ СИНАИТ) В XI ВЕКЕ**

Специальность: 5.7.2 — «История философии»
(философские науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Калининград

2023

Работа выполнена на кафедре философской антропологии и истории философии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель:

Светлов Роман Викторович

доктор философских наук, профессор, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Официальные оппоненты:

Парилов Олег Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Гурьянов Илья Геннадьевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»

Защита состоится «12» марта 2024 года в 13:00 на заседании совета 24.2.273.07 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата философских наук на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а, аудитория «Скрипториум».

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, д. 2). Электронные версии диссертации и автореферата размещены на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по интернет-адресу: <https://kantiana.ru/postgraduate/dis-list/shchukin-timur-arkadevich/>

Автореферат разослан «__» декабря 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.А. Тесля

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Михаил Пселл — «узловая» фигура для византийской историографии, эпистолографии, поэзии, эстетики и теории культуры. Однако сам Михаил Пселл считал себя прежде всего реформатором восточнохристианской богословско-философской традиции, хотя никогда не утверждал, будто вступает с этой традицией в какое-либо противоречие. С его точки зрения, он лишь обобщал достижения своих предшественников (Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Анастасия Синаита) и, пользуясь огромной для своего времени научной эрудицией, стремился органично соединить в своем интеллектуальном творчестве христианское богословие и античный философский дискурс. Данная работа посвящена выявлению ключевых закономерностей, в соответствии с которыми Михаил Пселл реципировал предшествующую ему восточнохристианскую богословско-философскую традицию.

Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, той ролью, которую Михаил Пселл играет в истории византийской мысли и непроясненностью основных характеристик его как реформатора византийской богословско-философской традиции, а с другой, тем, что обращение к его наследию дает нам ключ к пониманию того, что из себя эта традиция представляла, за счет чего сохраняла себя во времени и по каким причинам трансформировалась. Михаил Пселл оказывается важнейшим элементом в нашем представлении о становлении византийских богословия и философии.

Степень разработанности проблемы. В исследовательской литературе никогда не ставилась под сомнение особая роль Михаила Пселла в возрождении как светской, так и церковной учености. То, что он является ярчайшим проявлением интеллектуального возрождения Византии в XI веке, общепризнанный факт. Однако о содержательной стороне его философских и богословских концепций, о том, насколько они сами по себе ценны для истории и оригинальны, долгое время, около века, ведется дискуссия. Можно выделить четыре точки зрения.

Первая, сформулированная еще К. Зервосом, заключается в том, что

Михаил Пселл — это криптоязычник, умело оперирующий христианской терминологией, мыслитель, который, на словах не отрекаясь от догматов православной веры, на деле являлся неоплатоником. На эту точку зрения работают и прямые свидетельства Пселла и многочисленные отсылки к текстам языческих философов в его произведениях.

Вторая, противоположная точка зрения — среди наиболее известных ее приверженцев можно назвать П. Иоанну, Л. Бенакиса и Г. Карахалиоса — заключается в том, что Михаил Пселл был вполне ортодоксальным мыслителем, ни в чем существенном не отклонявшемся от богословской нормы, хотя и глубоко погруженным в тексты языческих философов, что было подозрительно для официоза XI века, но не более того.

В последние годы становится популярным подход, рассматривающий Михаила Пселла как типичного византийского интеллектуала, для которого напряжение, существующее между языческой и христианской философско-богословскими традициями, является естественным фоном его творчества и не предполагает окончательного выбора между ними (Д. Дженкинс, Г. Майлз и др.).

Наконец, представители четвертого направления стремятся рассматривать Михаила Пселла в широком контексте традиции и, опираясь на то, как византийский энциклопедист рассматривает понятия православия и ереси (Ф. Лоритцен), работает с категориями этики (Д. Вальтер), христологии (В.М. Лурье), ангелологии (А.В. Ларионов), экзегетики (Г. Диамантопулос), приходят к выводу о том, что взгляды Михаила Пселла несводимы ни к каким влияниям и заимствованиям.

Таким образом, за редкими исключениями существующие на данный момент подходы к изучению богословско-философского наследия Михаила Пселла рассматривают его в отношении к неким вневременным, обобщенным христианской богословской или античной философской традициям, в то время как сам Михаил Пселл определял себя не столько по отношению к ним, сколько по отношению к сложившейся к XI веку богословско-философской норме. Слабо разработанной в научной литературе является творческое взаимодействие Михаила Пселла с конкретными текстами, которые именно в

то время, в середине XI века, эту норму выражали, хотя именно на этом пути можно увидеть, в чем именно заключается богословско-философское новаторство Михаила Пселла, его оригинальность как мыслителя. Первые опыты Ф. Лоритцена, Д. Вальтера, В.М. Лурье, А.В. Ларионова, Г. Диамантопулоса показали, что именно это направление является наиболее перспективным. Во всех указанных случаях (за исключением Д. Вальтера, который рассматривает богословие Михаила Пселла в сравнении, например, с богословием Григория Нисского и патриарха Фотия) объектом сопоставления является монашеское богословие XI века, сочинения Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата. В данной работе расширяется «база сравнения», не только количественно, но и качественно, делается акцент на том, что рассматриваемые тексты являются частями «большого текста» традиции.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы философов, которые трактовали богословско-философскую традицию как часть, а точнее как одно из проявлений движения социального макросубъекта, имеющего внятные исторические и хронологические очертания. Немецкая философская традиция — от Г.В.Ф. Гегеля до О. Шпенглера — трактующая социальный интеллектуальный процесс как выражение глубинного, если угодно, духовного процесса — в основании нашего исследования. В своем подходе к собственно византийскому материалу XI века исследование следует методологическим наработкам специалистов по византийской философии начала XI века, которые рассматривали Михаила Пселла не как изолированную интеллектуальную единицу, а как часть традиции, и в контексте традиции (В.М. Лурье, Д. Вальтер, Ф. Лоритцен и др.). Проявлением этого подхода является вводимый мной концепт «большого текста традиции», комплекса авторитетных текстов, принятие или непринятие, а также интерпретация которого являлось выражением причастности той или иной интеллектуальной единицы к соответствующей интеллектуальной традиции. Исследование основывается, в первую очередь, на историко-философском и во вторую очередь на историко-культурном материале, использует методы логического, историко-философского, философско-компаративистского анализа, а также философской герменевтики. В качестве вспомогательных методов выступают

филологический и историко-филологический анализ текста.

Объектом исследования являются богословско-философские труды Михаила Пселла.

Предмет исследования — рецепция поздневизантийской богословско-философской традиции в сочинениях Михаила Пселла.

Цель исследования заключается в историко-философской реконструкции рецепции поздневизантийской богословско-философской традиции (Иоанн Дамаскин, Анастасий Синаит, Максим Исповедник) в сочинениях Михаила Пселла.

Для достижения цели исследования я ставил следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать дискурсивные группы византийского интеллектуального социума: придворную и монашескую партии.
2. Проанализировать понятие «большого текста» христианской традиции, описав его элементы в XI веке и причины трансформации.
3. Оценить саморепрезентацию Михаила Пселла как реформатора богословско-философской традиции.
4. Охарактеризовать схематизацию теории в трудах Михаила Пселла и ее философские источники.
5. Раскрыть основные положения триадологии, онтологии, христологии и ангелологии Михаила Пселла в контексте поздневизантийской богословско-философской традиции (особенно в сопоставлении с трудами Иоанна Дамаскина, Анастасия Синаита и Максима Исповедника).

Научная новизна исследования. Наше исследование проведено в рамках того направления пселловедения, которое только зарождается, но теоретически себя не осмыслило. Работы таких исследователей как Ф. Лоритцен, В.М. Лурье, А.В. Ларионов и особенно Д. Вальтер положили начало рассмотрению Михаила Пселла за пределами дискуссии о том, является ли он

христианином или неоплатоником. Они, насколько можно судить, интуитивно и лишь в отдельных аспектах (Ф. Лоритцен — в гносеологии, В.М. Лурье — в христологии, А.В. Ларионов — в ангелологии, Д. Вальтер — в этике) рассматривают Михаила Пселла как оригинального богослова именно в рамках христианской традиции, предлагающего оригинальную концепцию именно христианства. В данном исследовании я предлагаю теоретическое обоснование данного подхода и его последовательное приложение к основным частям богословия Михаила Пселла — к его триадологии, онтологии, христологии и отчасти антропологии. Также в рамках данного исследования предлагается решение нескольких частных вопросов, которые в исследовательской традиции или не ставились, или получали неудовлетворительное решение: вопрос об оппонентах Михаила Пселла в «Хронографии»; вопрос об источниках универсальной триадической схемы; вопрос о соотношении «языческих» и «христианских» текстов при реконструкции триадологии Михаила Пселла; вопрос о важности понятий «сущности» и «природы» для онтологии и христологии; вопрос о соотношении ангельской телесности и природе эфира в текстах Михаила Пселла.

Научная новизна подтверждается следующими результатами, полученными автором:

— представлены предпосылки формирования особой богословско-философской позиции Михаила Пселла по отношению к византийской богословско-философской традиции.

— выявлены основные характеристики гносеологии и методологии Михаила Пселла в контексте его отношения к византийской богословско-философской традиции.

— продемонстрировано на многообразном материале, что в сочинениях Михаила Пселла за счет внесения античных философских элементов происходит систематическая трансформация христианской догмы, что особенно ясно видно при сравнении его сочинений с сочинениями, составляющими «большой текст» византийской богословско-философской традиции.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем: на

конкретном материале показано взаимодействие значимой для интеллектуальной истории творческой единицы с той интеллектуальной традицией, к которой он принадлежал.

Практическая значимость работы. Сформулированные в диссертации положения, идеи и выводы могут быть использованы для дальнейших исследований богословско-философского наследия Михаила Пселла, а также поздневизантийской богословско-философской традиции, в частности византийского гуманизма XI-XV вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Богословские взгляды Михаила Пселла наиболее продуктивно рассматривать в контексте поздневизантийской богословско-философской традиции, поскольку именно соответствие или отход от этой традиции характеризовало взгляды того или иного богослова в данный период, их специфику.

2. Богословско-философскую традицию в XI веке оптимально представлять в виде текста, сотканного из более или менее прилаженных друг к другу элементов, каковыми были труды наиболее авторитетных для христианского сознания авторов — от библейских книг до сочинений поздних отцов Церкви (Иоанна Дамаскина, Анастасия Синаита, Максима Исповедника). Специфику и новаторство богословия и философии Михаила Пселла следует искать в интерпретационной трансформации этого «большого текста» традиции.

3. Михаил Пселл видел свое отличие от предшествующей традиции в том, чтобы не только возродить роль философского знания, но и универсализировать его, превратить в исключительный инструмент не только познания мира, но и богословских истин.

4. Следствием абсолютизации философии и тотального рационализма Михаила Пселла стала схематизация теоретических построений, как богословских, так и философских, сведение описательной модели к триадической структуре.

5. На гносеологическом, триадологическом, онтологическом,

христологическом и ангелологическом материале показано, что Михаил Пселл оригинально интерпретирует предшествующую богословско-философскую традицию за счет привнесения в нее «инородных» элементов античной философии, которые трансформируют сложившийся богословско-философский канон. Прежде всего речь идет о привнесении в христианскую догматику идеи неоплатонической иерархии. Триадологические фрагменты свидетельствуют о том, что Михаил Пселл учил о двух уровнях внутритроичного бытия (уровень чистого единства природы и уровень ипостасей). В онтологии Михаила Пселла считается неоплатоническое учение об иерархии бытия, об интеллектуальном, душевном и материальном уровнях космоса. Двуприродность Христа Михаил Пселл трактует как соединение интеллектуальной формы (Бог) и душевно-телесной материи (человек). Наконец, различие между ангелами и людьми он объясняет через причисление их к различным ступеням космической иерархии.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается тщательной обработкой фактического материала, адекватной предмету, задачам и этапам исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в форме докладов на 15 научных конференциях (из них 11 с публикацией материалов): XIII научная конференция «Универсум платоновской мысли. Платоновская и аристотелевская традиции в античности и в европейской философии» (июнь 2005; СПбГУ); XVIII научная конференция «Универсум платоновской мысли. Актуальность Платона» (июнь 2010; РХГА); XIX научная конференция «Универсум платоновской мысли. Наследие Платона в современной философии и культуре» (июнь 2011; РХГА); XX научная конференция «Универсум платоновской мысли. Лингвофилософия Платона» (июнь 2012; СПбГУ); Международная историко-философская конференция «Горизонты естествознания восточнохристианского Средневековья» (сентябрь 2015; ГУАП); Московская международная конференция по Аристотелю 2016 «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской

рациональности» (октябрь 2016; ИФ РАН); 13-я международная конференция «Современная логика: проблемы и перспективы» (май-июнь 2018; СПбГУ) XXVII Международная научная конференция «Универсум платоновской мысли. Пайдейя, государство, человек: антропология в Платоновской традиции» (июнь 2019; РГПУ); XVIII International Conference on Patristics Studies (август 2019; Оксфордский университет); XXVIII Международная научная конференция «Универсум Платоновской мысли. Платон и риторика» (июнь 2020; РГПУ); XXVI Международная конференция «Ребенок в современном мире. Формирование исторического сознания» (апрель 2019; РГПУ); XXVII Международная конференция «Ребенок в современном мире. Общество знаний: искусство учиться и учить» (май 2020; РГПУ); Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки (ноябрь 2020; СПбГУ); Конференция «Интеркультурная философия: полилог традиций» (сентябрь 2020; СИ РАН); XXIX Международная научная конференция «Универсум Платоновской мысли. Рациональная теология в платонизме» (июнь 2021; РГПУ).

Материалы диссертации стали основой работы аспиранта в 2018–2019 гг. в качестве члена научной группы по проекту «Природа и движение в “Комментарии на ‘Физику’ Аристотеля” Михаила Пселла. Исследование влияния позднеантичной традиции, взаимосвязи с православным богословием и рецепции в позднейшей перипатетической физике», выполняемому при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17–03–00329-ОГН ОГН-А).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации,

определяются цели и задачи исследования, описывается материал, методологические принципы, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Интеллектуальная ситуация X-XI веков и место в ней Михаила Пселла» состоит из двух разделов, в которых описываются два основных элемента византийского интеллектуального социума X-XI вв., а также их отношение к богословско-философской традиции, то есть та система координат, в которой Михаил Пселл определял свое положение как богослова и философа конкретной эпохи.

В разделе 1.1. «Дискурсивные группы византийского интеллектуального социума: придворная и монашеская партии» характеризуются и сравниваются две основные части византийского интеллектуального социума.

X-XI вв. — время расцвета византийского энциклопедического движения. В это время были созданы главные труды, обобщающие то, что было сохранено в той или иной области за прошедшие века. Михаил Пселл был частью этого процесса. Энциклопедическим проектом является его сочинение «О всеобщем учении», соединяющее сведения из всех областей знания — от богословия до астрономии.

Энциклопедическое движение формировалось и существовало вокруг центров, которые, с одной стороны, были обеспечены материальными и людскими ресурсами, а с другой, могли концентрировать под своим началом масштабные творческие проекты. Такими центрами были императорский двор, патриарший двор при храме Святой Софии и крупнейшие монастыри. Это не могло не привести к тому, что вокруг интеллектуальных центров формировались собственные традиции передачи знания, каждая из которых сознательно не противопоставляла себя другой. В науке принято сведение этих традиций к двум основным — придворной и монашеской.

В своей работе я называю эти партии «дискурсивными группами», то есть такими сообществами, внутреннее единство которых обусловлено внешней для каждого из членов (не ими придуманной) системой передачи знания. Михаил Пселл принадлежал к той традиции, для которой мнение

церковного автора и даже мнение Церкви было лишь одним из мнений, хотя бы и мнением правильным, в то время как, например, для его современника Никиты Стифата и любого другого образованного или необразованного монаха XI века церковный и внецерковный (светский, языческий) тексты находились в совершенно различных оценочных областях. Возникновение таких трактовок традиций было совершенно естественным: если текст не функционирует в церковной общине, то это всего лишь один из текстов.

В XI веке византийская интеллектуальная культура, разделившаяся в себе, подошла к точке трансформации. Михаил Пселл был персонализированным воплощением этой трансформации. С одной стороны, он — ярчайший пример, одна из вершин энциклопедического движения X-XI веков. С другой стороны, усилиями Михаила Пселла различные области знания подверглись творческому переосмыслению, в том числе в силу его принадлежности к конкретной дискурсивной группе.

В разделе 1.2. «“Большой текст” христианской традиции: его элементы в XI веке и причины трансформации» освещены основные параметры христианской традиции, которая была актуальна для Михаила Пселла в XI в.

Трансформацию византийской богословско-философской традиции в сочинениях Михаила Пселла можно проследить только при понимании того, что такое «большой текст» этой традиции. Систему авторитетов, актуальных для образованного византийца в определенный период, невозможно описать в категориях передачи научно-философского знания, где имеет значение не просто сумма знаний, а сумма таких знаний, которые внутренне «требуют» своего развития. В рамках научно-философской традиции авторитет — это тот, кто здесь и сейчас важен для интеллектуального продвижения. С другой стороны, система «большого текста» не вполне тождественна церковному преданию, для которого важна контролируемая точность воспроизведения некой суммы спасительной информации, передаваемой в рамках религиозной традиции.

Система авторитетов богословско-философского знания формируется из того, что в религиозной традиции направлено на понимание этой самой

традиции. Поскольку в процессе понимания традиция «овнешняется», становится объектом для трактовки, результаты ее постижения отчасти оказываются частью традиции, отчасти выпадают из нее, образуя интеллектуальное пространство писаного предания, точные границы которого определить невозможно. Тем самым, «большой текст» традиции является неким интуитивно согласованным корпусом, собранием, в рамках которого существовала социальная реальность Византии, так или иначе связанная с религиозной сферой. Критерием включения тех или иных авторов, тех или иных сочинений в «большой текст» была способность автора объяснить члену Церкви религиозную ценность тех или иных взглядов. Тем самым, текст, оказавшийся частью «большого текста» должен был быть не просто богословски и философски точным, он должен был быть более или менее доступным, за счет относительной простоты языка или литературных достоинств.

Частями «большого текста» были библейские книги, а также сочинения древних и новых богословов: отцов-каппадокийцев, а также Иоанна Златоуста. Безусловным авторитетом считался Дионисий Ареопагит. Богословскую норму рассматриваемого периода отражали два компендиума — «Источник знания» Иоанна Дамаскина и «Путеводитель» Анастасия Синаита.

«Большой текст» в XI веке бы обречен на трансформацию: в двух измерениях и в двух смыслах. Во-первых, в связи с формированием «внецерковных» интеллектуальных центров, «большой текст» оказывался уже не непреложной нормой, а просто текстом, хотя бы и безусловно авторитетным, обязательным к пониманию, чьи нормы обязательны к исполнению. Во-вторых, трансформация была неизбежна в силу имманентного развития собственно церковной традиции.

Новаторство Михаила Пселла также следует искать именно в сопоставлении его текстов с элементами «большого текста», то есть тех сочинений, которые были актуальны для византийцев XI века и которые считались безусловно авторитетными. При этом, поскольку Михаил Пселл принадлежал к той «партии» византийского интеллектуального сообщества, которая уже рассматривала «большой текст» христианской традиции как «текст среди других текстов».

Вторая глава «Богословско-философская методология Михаила Пселла» состоит из двух разделов, в которых идет речь о том, что ключевым элементом самоопределения византийского философа по отношению к предшествующей богословско-философской традиции была экспансия рационального в богословскую сферу, которая повлекла за собой схематизацию теории, причем и рационализация и схематизация были обусловлены определенной интерпретацией позднеантичного философского наследия.

В разделе **2.1 «Саморепрезентация Михаила Пселла как реформатора богословско-философской традиции»** рассматриваются основные мотивы и параметры самоопределения Михаила Пселла по отношению к предшествующей богословско-философской традиции.

В известном автобиографическом пассаже из «Хронографии» (Chronographia. VI.37, 5-17) Михаил Пселл рассказывает о своем поступенчатом восхождении в познании различных наук — от риторики к философии, а от философии — к богословию. Все науки он освоил сам, общаясь только с древними авторами. Исключение составляет философия, постигая которую, Михаил Пселл все-таки общался с живыми учителями, которые знали только базовые вещи, однако были достаточно сведущи, чтобы указать ему на сакральные тексты неоплатоников и вообще на превосходство богословского знания. Характеристику этой «допселловской» философии мы находим в другой части «Хронографии» (Chronographia. III.2–3, 13), где говорится о более раннем времени, о времени правления Романа III Аргира (1028–1034). Придворные мудрецы императора предметом своих исследований прежде всего считали богословские вопросы, возможно, следуя в фарватере интеллектуальных интересов монарха. Однако, с точки зрения Михаила Пселла, эти вопросы не могли быть разрешены в силу того, что мудрецы не обладали ни философской эрудицией, ни навыками в диалектике и науке доказательств. Он называет следующие проблемы, которые непродуктивно рассматривались мыслителями в первой половине XI в.: 1. соотношение целомудрия и зачатия (ἀμξία καὶ σύλληψις); 2. соотношение девства и рождения (παρθένος καὶ τόκος).

Вероятно, слова Михаила Пселла о «целомудрии и зачатии, деве и рождении» являются отсылкой к «Путеводителю» Анастасия Синаита. Во

вводной главе, раскрывая принципы богооткровенной философии своего трактата, прежде всего он выдвигает принцип антиномичности. И самая первая антиномия, которую приводит Анастасий Синаит, связана с Богородицей. Оппозиция *παρθενία καὶ τόκος* воспроизводится почти буквально (у Пселла *παρθένος καὶ τόκος*), а *ἀμιζία καὶ σύλληψις* Пселла является резюме более развернутого высказывания.

Анастасий Синаит полагает, что церковная мысль не всегда опирается на античную мудрость. И причина этого в принципиальной несопоставимости богословского и философского предметов: инструментарий, который подходит для описания природной реальности, не подходит для описания сверхприродной. Михаил Пселл, критикуя эту идеологическую линию, показывает, что вне античного категориального аппарата богословие беспомощно и бесплодно. В концентрированном виде его аргументация изложена в апологетическом письме к Иоанну Ксифилину, где Михаил Пселл адаптирует гносеологическую модель Максима Исповедника, исключая из нее богословие как познание, основанное на мистическом созерцании.

Первоначальной интенцией Михаила Пселла было не низвержение одной философской традиции ради другой, а реабилитация философского знания как такового. Для Михаила Пселла не существовало никаких метафизических препятствий для соединения в одной мировоззренческой плоскости, в пространстве одного текста античного (языческого) и христианского богословско-философского содержания.

В разделе **2.2 «Схематизация теории Михаила Пселла и ее философские источники»** идет речь о трансформации теоретических построений византийского мыслителя под влиянием неоплатонического триадизма.

Дэвид Дженкинс в своих статьях 2006 и 2017 годов предлагает универсальную описательную модель, пригодную для выявления любых теоретических построений Михаила Пселла. Ключевую роль при разработке данной формулы, на мой взгляд, сыграли не внешние факторы, а сам характер философии Михаила Пселла, ее сугубый рационализм: если мы распространяем власть разума на сферу иррационального, то с неизбежностью схематизируем

выражение его «власти». Эта схематизация, как показывается в работе, проявляется и в этике и в гносеологии Михаила Пселла.

Д. Дженкинс убежден, что источником универсальной для Михаила Пселла триадической схемы является неоплатоник V века, диадох Афинской академии Прокл, у которого Михаил Пселл, по его собственному признанию, заимствовал «точность умозрений». На мой взгляд, нет необходимости, как делает Дженкинс, считать мировоззренческую схему Михаила Пселла упрощенной интерпретацией именно прокловской иерархии бытия, поскольку сама эта иерархия во многом является развитием и усложнением метафизических новаций, предложенных на полтора столетия ранее Ямвлихом.

Третья глава **«Ревизия Михаилом Пселлом византийской богословско-философской традиции: триадология и иерархия бытия»** состоит из двух разделов, в которых идет речь о трансформации византийской богословско-философской традиции в сочинениях Михаила Пселла применительно к учению о Троице и иерархии бытия.

В разделе 3.1 **«Триадология Михаила Пселла»** разбирается специфическое учение византийского мыслителя об отношениях божественных ипостасей.

В сочинениях Михаила Пселла христианский и неоплатонический дискурсы пересекаются и терминологически и «пространственно» — в рамках одного и того же текста, но они легко различимы. Наиболее продуктивным является метод, который рассматривал бы любой текст Михаила Пселла с точки зрения единства обоих дискурсов. Важнейший из триадологических текстов Михаила Пселла, начальная глава пространного сочинения, названного средневековыми издателями «О всеобщем учении», рассматривается в сопоставлении с текстом, легшим в основу данной главы — фрагментом из «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина.

Сопоставление выявило ряд важных разночтений. Исключение из текста фразы «Творца всех», изменение оригинального синтаксиса, исключение слов о том, что Отец является Отцом лишь Сына, исключение слов из «Символа веры», проясняющих специфику отношения Отца и Сына, а также использование термина «начало» по отношению не к Отцу как Творцу, а к общей природе

божества, — все это указывает на иное, чем у Иоанна Дамаскина понимание отношения между Отцом и другими ипостасями. В тексте Пселла единственная ипостась, которая непосредственно соотносится с миром, — Святой Дух.

Прямое указание на субординацию ипостасей у Михаила Пселла содержится в *Theologica I. 23*. В этом трактате Михаил Пселл, с одной стороны, говорит о равночестности божественного единства и божественной троичности, а с другой — приписывает ипостасям числовое бытие, делающее их онтологически ущербными по отношению к божественной природе. Именно из этой двойственности Единого рождается внутритроичный «механизм» отношения ипостасей между собой, то есть субординация. Фактически Михаил Пселл предлагает реальность близкую к интеллектуальной триаде неоплатонизма, для которой первый элемент триады и ее «общее» неуловимым образом превосходят второй и третий элемент триады, которые в свою очередь обеспечивают переход к более низшим ступеням бытия — к интеллектуальной и душевной сферам.

При этом у триадологии Михаила Пселла есть особенность, относящаяся скорее к способу описания внутритроичного бытия: отношения между ипостасями даются с подчеркнутым пренебрежением к динамической образности.

На наш взгляд, противоречие между содержательным субординатизмом и описательным адинамизмом объясняется следующим образом. В общем и целом принимая трактовку Троицы как реальности близкой к интеллектуальной триаде неоплатонизма, в рамках «православного» дискурса Михаил Пселл, с одной стороны, стремится минимизировать разрыв между ипостасями, а также между ипостасями и общей природой. Для этого он скрывает те «неоплатонические» описательные элементы, которые давали бы представление о субординативном характере отношений между ипостасями. Но отказываясь от этих элементов, Михаил Пселл исключает из описания ипостасей (=членов интеллектуальной триады) мотив их взаимодействия. В итоге эти отношения зачастую сводятся к отношениям общего и частного, то есть формализуются.

В разделе 3.2 «Иерархия бытия: сущность и природа в интерпретации Михаила Пселла» идет речь о том, каким образом византийский энциклопедист

XI века Михаил Пселл воспринимал и интерпретировал конвенциональное для поздневизантийской традиции отождествление понятий «природа» (φύσις) и «сущность» (οὐσία). Трансформация сложившейся конвенции была следствием включения в христианский контекст античных трактовок данных понятий.

Для Михаила Пселла, в отличие от Иоанна Дамаскина, которому он декларативно следует, нехарактерно внятное и последовательное отождествление природы и сущности. С одной стороны, в трактате «О всеобщем учении» он говорит о них как о синонимичных. С другой стороны, в этом же трактате он дает определение природы как сугубо тварной реальности. Еще более усложняет дело обращение к тем главам трактата «О всеобщем учении», где речь идет об уме и душе: термин «сущность» применяется к сфере ума, словоупотребление же в случае души не отличается четкостью. Далее, в «Синописе десяти категорий» Михаил Пселл воспроизводит определение сущности как «самосушей вещи», данное Иоанном Дамаскиным. Однако из толкования этого определения следует, что оно не приложимо к Богу, поскольку Он не нуждается в Себе Самом, чтобы получить бытие. Строго говоря, Бог выше сущности. Михаил Пселл мыслит в категориях неоплатонической субординации. Тем самым, модель, в которой сущность и природа оказываются синонимичными терминами, пригодными для описания Божества, Михаилом Пселлом манифестируется, но де факто отвергается.

Четвертая глава **«Ревизия Михаилом Пселлом византийской богословско-философской традиции: христология и ангелология»** состоит из двух разделов, в которых идет речь о трансформации византийской богословско-философской традиции в сочинениях Михаила Пселла применительно к учению о боговоплощении, о душе и ангельском мире.

Раздел 4.1 **«Христология Михаила Пселла»** посвящен оригинальной христологии византийского философа, построенной на эквивокальности термина «природа» применительно к божеству и человечеству Иисуса Христа.

Представление о физических взглядах Пселла можно получить, прежде всего, из его комментария на «Физику» Аристотеля. В данном комментарии присутствует искомое противопоставление терминов «сущность» и «природа», которого мы не находили эксплицитно в иных текстах Михаила Пселла.

Противопоставление отсылает к самому тексту «Физику», в котором Аристотель говорит о двух противоположных началах и который можно трактовать в том смысле, что термин «природа» соотносится с материей, а термин «сущность» ближе к форме или определению. Прямо это, однако, из текста не следует. На наш взгляд, источником интерпретации Пселла могут быть позднеантичные толкования на «Физику», среди которых следует выделить комментарий Иоанна Филопона.

Если в противопоставлении сущности и природы Михаил Пселл находился под влиянием позднеантичных комментариев на «Физику» Аристотеля, то христологические выводы, которые он сделал из этого учения, были сделаны им совершенно самостоятельно. В ключевом в этом отношении тексте — трактате-толковании на слова Григория Богослова «Природы обновляются и Бог становится человеком» Михаил Пселл пытается истолковать термин «природа», приводя множество мнений языческих и христианских авторов и, в конце концов, останавливаясь на том же определении, которое он дает в трактате «О всеобщем учении» и в толковании на «Физику», — на определении природы как начала движения и покоя. Перед мыслителем встает закономерный вопрос: почему мы вообще называем Божество и человечество природами, если между этими реальностями нет ничего общего?

Ответ Михаила Пселла на эти вопросы следует рассматривать, опираясь на расхожие определения «природы», которые бытовали в XI в. Таковыми для данного времени были два определения, одно из которых можно назвать «этимологическим», а второе «онтологическим». Примером первого, за пределами богословского круга текстов, является то, которое дает *Etymologicum Gudianum*: «Природа — от «производить ипостаси» или от «рождать» или от «быть». Онтологическое определение — его воспроизводит, например, словарь «Суда» (X в.) — восходит к аристотелевскому определению природы как «начала движения и покоя», как некой порождающей силы.

Противопоставление «этимологической» и «онтологической» традиций было вполне отрефлектировано Иоанном Дамаскиным, который полагал, что, с точки зрения внешних философов, природа является видом, ближе всего стоящим к единичному бытию, тем, что непосредственно связано с

определенной в бытии вещью, соответственно сближая «этимологическое» определение природы как чистого бытия с библейской трактовкой данного термина. Анастасий Синаит, следуя богословам VI в., отождествляет сущность и природу и подчеркивает, что различие между ними свойственно эллинской мудрости, а христианское словоупотребление восходит — через Василия Великого и Климента Александрийского — к апостолу Павлу. Саму же природу Анастасий определяет строго в соответствии с «этимологической» интерпретацией, которая работает на понимание термина «природа» в духе истинного бытия или вида истинного бытия.

Рассуждая о различных значениях термина «природа», Михаил Пселл по некоторым параметрам отошел от поздневизантийского богословского консенсуса. Во-первых, он полагает, что применительно к Богу, уму и душе, с одной стороны, и материальным вещам, с другой, термин «природа» используется несинонимично. В первом случае он означает нечто, существующее в самом общем смысле, во втором — начало движения и покоя материальных вещей. Во-вторых, в собственном смысле природой называется обобщенная материально-телесная реальность, противопоставленная обобщенной духовной реальности, которая оказывается природой в несобственном смысле. В-третьих, и в этом Михаил Пселл совершенно оригинален, несобственное значение природы как «некоего бытия» ограничивается только духовной сферой и в этом значении совпадает с понятием сущности. Если «природа» применительно к Богу и к человеку означает разные вещи, то в случае Боговоплощения будет идти речь о соединении чистого бытия и бытия материального, а точнее вне-формального, такого, которое предполагает определенную форму, но само не тождественно ей. Это вполне соответствует неоплатоническим представлениям Михаила Пселла об иерархической организации бытия, где единое является причиной ума, ум — причиной и «формой» души, а вместе они оказываются сложносоставленной причиной и формой для материальной природы.

Раздел 4.2 «Ангелология Михаила Пселла» посвящен учению византийского мыслителя об ангельском мире, основанному на его трактовке материальности ангелов.

Ангелология и психология Михаила Пселла неотделимы от его учения об эфирном теле. В этом разделе разобраны ключевые отрывки из сочинений Михаила Пселла, касающиеся учения о пятом элементе. Делается вывод, что византийский мыслитель не разделял аристотелевское учение о пятом элементе, рассматривая эфир как промежуточное звено между небом и другими элементами. В теологической системе Михаила Пселла ангелы являются нематериальными существами, лишенными всякой телесности, в том числе эфирной, и поэтому занимают в космической иерархии более высокое место, чем небо и иной материальный мир. Структура космоса, предложенная Михаилом Пселлом, является упрощенной адаптацией космологии Прокла, которая включает четко очерченную умную сферу, сферу небес, являющихся телесным носителем души, и сферу грубой телесности.

В **Заключении** делается вывод о том, что богословско-философские взгляды Михаила Пселла могут быть описаны при текстуальном сопоставлении с нормативными для его времени элементами «большого текста» византийской богословской традиции и являются следствием осознанной или неосознанной попытки включить в этот «текст» взглядов античных философов. В этом смысле Михаил Пселл, конечно, ни перестает быть христианином, ни становится философом-неоплатоником. Однако он с неизбежностью трансформирует христианскую норму и эта трансформация хорошо видна при правильно настроенной оптике практически в каждом разделе богословия. В гносеологии Михаил Пселл склоняется к абсолютизации философского, дискурсивного знания, распространения его власти в том числе и на богословие в узком смысле этого слова, вследствие чего из инструментов богопознания исключается созерцание, возможность непосредственного интеллектуального соприкосновения с Богом. Сама же дискурсивная сфера оказывается подчинена строгой рациональной схеме, также заимствованной из позднего неоплатонизма. Триадология, при всей декларативной приверженности Михаила Пселла классическому учению о Троице, сформулированному еще в IV веке, подвержена влиянию неоплатонического субординационизма. В космологии прослеживается вычленение умной и душевной сфер, в чем также сложно не увидеть влияние неоплатонизма. В христологии Михаил Пселл проводит

совершенно не характерное для святоотеческой нормы и заимствованное из позднеантичных комментариев на Аристотеля различение сущности и природы, благодаря чему формулирует оригинальное учение о соединении природ во Христе. Наконец, в ангелологии Михаил Пселл также зависит от неоплатонического учения о бестелесности умов и эфирной телесности человеческих душ, благодаря чему ангел и душа не могут иметь общения.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК России:

1. Щукин Т.А. Эсхатология Иоанна Итала // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 4. С. 116–120.
2. Щукин Т.А. Триадология Иоанна Дамаскина в интерпретации Михаила Пселла (на примере 1-й главы трактата «О всеобщем учении») // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 4. С. 262–266.
3. Shchukin T. Matter as a universal: John Philoponus and Maximus the Confessor on the eternity of the world // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2017. Vol. 13. P. 361–382.
4. Shchukin T. et al. The Cambridge Intellectual History of Byzantium, edited by Anthony Kaldellis and Niketas Siniossoglou, 2017 (review) // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2018. Vol. 14(1). P. 475–507.
5. Щукин Т.А. Бог — форма, человек — материя. Понятия «сущности» и «природы» в физике и христологии Михаила Пселла // *Христианское чтение*. 2020. № 1. С. 26–42.
6. Щукин Т.А. Апостол Павел против Аристотеля: полемика с античной философской традицией в «Путеводителе» Анастасия Синаита // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 90. С. 9–27.
7. Щукин Т. А. Ангелология Михаила Пселла и позднеантичные споры о природе небес // *Платоновские исследования* 14.1 (2021). С. 99–121.

II. Публикации в изданиях, индексируемых в РИНЦ:

1. Щукин Т.А. «Православный» богослов Михаил Пселл и его учение о Троице // EINAИ: Проблемы философии и теологии. 2013. Т. 2. № 1–2 (3–4). С. 388–405.
2. Щукин Т.А. Задача с неизвестными: исторический контекст «Богословских слов» Симеона Нового Богослова // EINAИ: Проблемы философии и теологии. 2015. Т. 4. № 1–2 (7–8). С. 446–458.
3. Щукин Т.А. «Сущность» и «природа» в богословских, философских и логических трактатах Михаила Пселла // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. № 1–2. С. 38–39.
4. Щукин Т. А. Гармония и спасение. Толкование Михаила Пселла на Песн. 2:6 в контексте греческой экзегетической традиции // ESSE. Философские и теологические исследования. Том 3. № 1. 2018. С. 252–286.
5. Щукин Т.А. Иерархия в терминах: различие между «сущностью» и «природой» в сочинениях Михаила Пселла // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2019. № 16. С. 105–116.
6. Щукин Т.А. Апостол Павел против Платона и Аристотеля: «Путеводитель» Анастасия Синаита как антифилософский проект // Универсум Платоновской мысли: Платон и риторика. Тезисы докладов XXVIII научной конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 116–118.
7. Щукин Т.А. Анастасий Синаит и Александрийская школа комментаторов Аристотеля // Гуманитаристика как школа мысли. Сборник научных трудов. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2020. С. 180–189.
8. Щукин Т.А. Иерархия в терминах: различие между сущностью и природой в сочинениях Михаила Пселла // Логика и онтология в византийской догматической полемике. Очерки. Сер. «Византийская философия». Санкт-Петербург: РХГА, 2020. С. 147–158.
9. Щукин Т.А. «Философские главы» Иоанна Дамаскина и византийская логико-философская традиция VI-VII веков // Наука как общественное благо. Сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. В 7 томах. Москва, 2020. С. 164–167.

Щукин Тимур Аркадьевич

**МИХАИЛ ПСЕЛЛ И РЕЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ
ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ
(МАКСИМ ИСПОВЕДНИК, ИОАНН ДАМАСКИН,
АНАСТАСИЙ СИНАИТ) В XI ВЕКЕ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Подписано в печать

«_14_» __декабря__ 2023 г.

Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 1,5

Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «Копицентр»

196006, г. Санкт-Петербург, Московский, 105, 3н